

Дмитриева Нина Львовна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Буало — Вольтер — Пушкин: о стихотворении «Французских рифмачей суровый судия...»

Для цитирования: Дмитриева Н. Л. Буало — Вольтер — Пушкин: о стихотворении «Французских рифмачей суровый судия...». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература.* 2024, 21 (2): 344–350. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.205>

Незавершенное пушкинское стихотворение «Французских рифмачей суровый судия...» (1833) представляет собой послание, обращенное к признанному теоретику французского классицизма Никола Буало-Депрео. В 1820–1830-х гг. в русской литературной среде, увлеченной романтическим движением, наблюдалась переоценка значения сочинений Буало, а его имя начало восприниматься как символ ложного представления об истинном искусстве. Пушкин, напротив, в это время обращается к Буало с призывом стать его «вожатаем». Его стихотворение намеренно написано классическим александрийским стихом, построено в свойственной классицизму традиции обращения к мэтру. Одновременно Пушкин ищет поддержки у другого великого классика — Вольтера, подражая его сатирическому «Посланию к Буало». Как и Вольтер, Пушкин воздает адресату хвалу, но, подобно французскому поэту, делает это с иронией. Пушкин выбирает типовой классицистический жанр — послание-сатиру. Вольтер, ярчайшая фигура эпохи Просвещения, преклонялся перед культурой XVII в. Пушкин, чье творчество, несомненно, наполнено романтическими мотивами, многое в этом направлении не принимал, не считал возможным ради экспрессии жертвовать логической точностью, классическим чувством меры. Интересно, что в рассматриваемом стихотворении критика «новой школы» — романтизма — соединяется с резко отрицательным отношением к так называемому «торговому направлению», набравшему силу в литературном процессе 1830-х гг. Примеры осуждения потребительского отношения к творчеству он находит у тех же Вольтера и Буало. Послание Пушкина — яркое свидетельство особенности его взглядов на два основных литературных направления 1830-х гг. Опираясь на авторитет двух бесспорных классиков — Буало и Вольтера — он отдает предпочтение классическому направлению.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Н. Буало, Вольтер, классицизм, сатирическое послание.

Никола Буало-Депрео (1636–1711), признанный теоретик французского классицизма, был непререкаемым авторитетом не только для «великого века» французской литературы — в истории русского «золотого периода» он также занял почетное место. Образованный русский читатель уже в XVIII в. знал этого «преславного стихотворца» [Сумароков 1748: 23]. Буало был известен как автор сатир, ироикомической поэмы «Налой». П. А. Вяземский назвал его среди «первейших стихослагателей новейших языков» [Вяземский 1982а: 82]. Впрочем, более всего он был популярен как «законодатель французской пиитики» [Пушкин 1937–1959, т. 11:

186], как автор знаменитой теоретической поэмы «Поэтическое искусство» («L'art poétique», 1674), где изложены основные постулаты эстетики и поэтики классицизма. Русских литераторов привлекало не только творчество Буало, их занимала и его литературная репутация¹. Когда в 1815 г. образуется литературное общество «Арзамас», его члены — сторонники европейского пути развития русской литературы, противники старого слога — прямо говорят, что в поддержку своей позиции они берут аргументы из «Поэтического искусства». В. Л. Пушкин в послании к В. А. Жуковскому (1810) пишет: «И на Горация и Дебрео ссылаюсь: / Они против врагов мне твердый будут щит; / Рассудок следовать примерам их велит» [Пушкин 1989: 28]. Четкая лаконичность формулировок Буало вообще оказалась очень притягательна: его тексты широко цитировали, и нередко не в качестве источника своих эстетических взглядов, а как примеры ясных высказываний. Однако в 1820-е гг., с развитием критического взгляда сторонников романтизма на классические принципы, авторитет Буало неизбежно стал падать, и в 1830-е гг., когда было написано интересное нас стихотворение², его имя уже воспринималось как символ ложного понимания подлинного искусства.

Отношение А. С. Пушкина к Буало менялось на протяжении десятилетий. Первоначально это было безусловное уважение и вера в его эстетические принципы. Достаточно критические оценки канонов Буало появляются у Пушкина — вполне в духе времени — в 1820-е гг. В 1825 г. он охарактеризовал «Поэтическое искусство» как «[странную] блестящую смесь некоторых готических понятий с [правилами] оракулами Горациевой пиитики» [Пушкин 1937–1959, т. 11: 307]. Однако в начале 1830-х гг. позиция Пушкина меняется: теперь он скорее оказывается в споре с той переоценкой авторитета Буало, которая все отчетливее формируется в русской литературной среде. В черновых строфах написанного в 1830 г. «Домика в Коломне» Буало предстает как «поэт законодатель, / Гроза несчастных мелких рифмачей» [Пушкин 1937–1959, т. 5: 377]. В незавершенной статье «О ничтожестве литературы русской» (1833–1835) Пушкин говорит о Буало как о поэте, наделенном «мощным талантом и резким умом» [Пушкин 1937–1959, т. 11: 271], называет его «истинно великим писателем» [Пушкин 1937–1959, т. 11: 270]. Что же касается стихотворения «Французских рифмачей суровый судья...», оно становится прямой манифестацией солидарности с главой классицизма.

Начало этого поэтического текста построено как характерное для классицистической большой стихотворной формы «призывание» (обращение к божеству, музе или признанному образцовым автору): «Французских рифмачей суровый судья, / О классик Дебрео, к тебе взываю я... / Будь мне вожатаем» [Пушкин 1937–1959, т. 3: 305]. С этим правилом поэтики классицизма Пушкин был знаком еще в Лицее: «призывание» содержится в обеих его ранних незавершенных поэмах — в «Монахе» (1813) и в «Бове» (1814). Тогда это было «призыванием» к Вольтеру: «К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь» («Монах») [Пушкин 1999, т. 1: 14]; «О Вольтер, о муж единственный... / Будь теперь моею музою» («Бова») [Пушкин 1999, т. 1: 56].

¹ Это подробно проанализировано А. М. Песковым в книге о роли Буало в русской литературе XVIII–XIX вв. [Песков 1989].

² Оно предположительно датируется февралем — началом октября 1833 г. по положению автографа в рабочей тетради Пушкина.

Для молодого Пушкина Вольтер был кумиром, позже, как и в отношении к Буало, последовало охлаждение. Между тем в стихотворении 1833 г. Пушкин берет в союзники не только Буало, но и Вольтера, который, как и в юности, становится образцом для русского поэта: Б. В. Томашевский установил, что пушкинское стихотворение написано в подражание сатирическому посланию Вольтера «К Буало, или Мое завещание» («À Voileau, ou Mon testament», опубликовано 1769) [Томашевский 1926: 56]. Как и Вольтер, Пушкин начинает свое стихотворение с характеристики «оракула вкуса»³ («oracle du goût») [Voltaire 1828: 294], способного вынести «здравый приговор» бездарности [Пушкин 1937–1959, т. 3: 305]. Но подобно Вольтеру, Пушкин пишет послание-сатиру (типовой классицистический жанр) и, превознося своего адресата, в то же время рисует его портрет в ироничном вольтеровском духе:

Хотя, постигнутый неумолимым роком,
В своем отечестве престал ты быть пророком,
Хоть дерзких умников простерлася рука
На лавры твоего густого парика;
Хотя, растрепанный новейшей вольной школой,
К ней в гневе обратил ты свой затылок голый, —
Но я молю тебя, поклонник верный твой —
Будь мне вожатаем [Пушкин 1937–1959, т. 3: 305].

И все-таки оценки, данные Буало двумя поэтами, разнятся. Вольтер, безусловно, хвалит сатирический талант Буало, называет его вместе с тем всего лишь «приличным автором» («correct auteur») [Voltaire 1828: 294] нескольких удачных сочинений. Он язвительно пишет об умении Буало льстить Людовику XIV. Пушкин в статье «О ничтожестве литературы русской» также писал о том, что Буало, будучи придворным историографом, успешно воспевал победы Людовика [Пушкин 1937–1959, т. 11: 271] и, подобно другим писателям своего времени, «дошел до гостиной... через переднюю» (вторая редакция вступления к статье) [Пушкин 1937–1959, т. 11: 503]. Однако в стихотворении он ограничивается только одним и к тому же достаточно снисходительным упреком за чрезмерную похвалу достоинствам сонета («Ты слишком превознес достоинства сонета» [Пушкин 1937–1959, т. 3: 305]), хотя ранее, в 1827 г., иронизировал по поводу сентенции Буало «Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème» («Сонет без изъяна стоит больше длинной поэмы»): «... что это значит? Можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды?» [Пушкин 1937–1959, т. 11: 54]. В послании 1833 г. Пушкин, обращаясь к законодателю французской классической поэзии, заявляет о себе: «поклонник верный твой» [Пушкин 1937–1959, т. 3: 305]. Это и становится главным смысловым акцентом⁴.

Вообще, как отметил Томашевский, в 1833 г. заявить о себе как о поклоннике Буало было смелым поступком, и не столько перед «безразличной публикой», сколько перед своими друзьями, «склонявшимися к романтизму» [Томашевский

³ Здесь и далее перевод автора настоящей статьи.

⁴ Л. И. Вольперт даже увидела в подчеркнутом намерении Пушкина выбрать себе в «вожатые» Буало — «создателя целостной эстетической системы» — подтверждение ее предположения о якобы имевшемся у Пушкина намерении написать историю французской литературы [Вольперт 2010: 27–28].

1926: 58]. Будучи в значительной степени сторонником романтического направления, Пушкин, однако, не готов полностью отрицать достижения и достоинства классицизма. И потому он защищает «классика» Буало от нападок представителей «новейшей вольной школы», т. е. своих современников, представителей романтизма. Поэтика «дерзких умников», для которых экспрессия важнее логической точности, в целом чужда пушкинскому вкусу⁵.

Послание демонстративно написано классическим александрийским стихом. Тем же размером в 1833 г. написано еще одно послание — «К вельможе». В обоих случаях Пушкин ориентируется на Буало и Вольтера; он «начинает воскрешать... казалось бы, уже ушедшие в прошлое литературные образцы...» [Вацуру 2003: 324]. Послание «К вельможе» перекликается с вольтеровскими стихотворениями, в которых век Людовика XIV — золотой век литературы и культуры — противопоставлен меркантильному Новому времени (например, с посланием «К Горацию» («À Horace», 1772)). В послании «К Буало» Вольтер также сравнивает свой век с «блестящим веком» («siècle brillant») Людовика XIV, и отнюдь не в пользу первого. Эта тема — смена эпохи вдохновенного интеллектуального творчества временем трезвого расчета, практической выгоды — серьезно волновала и Вольтера, и Пушкина. (Следует отметить, что и Буало в «Поэтическом искусстве» также призывал писать только по вдохновению, а не ради денег.) Вольтер говорит, что в его век — век царей Мидасов (подразумевается миф о золотом даре царя Мидаса) — трудно встретить Орфеев («Au siècle des Midas on ne voit point d'Orphées») [Voltaire 1828: 296]. Пушкин со своей стороны задает вопрос «новейшим вралям», ради чего они пишут: «И чешется у вас рука по пустякам, / Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам» [Пушкин 1937–1959, т. 3: 306]. Этим обращением к современным литераторам Пушкин выражает свое возмущение посредственным сочинительством и развивающимся «торговым направлением» в писательском творчестве, ставящим на первое место прибыль книжного рынка. Та же тема доминирует в стихотворении «С Гомером долго ты беседовал один...» (1832–1834) — обращенном к Н. И. Гнедичу пушкинском «поэтическом манифесте» 1830-х гг. Здесь то же противопоставление «литературного арбитра дельцам, ищущим в поэзии дешевого успеха или коммерческих выгод» [Вацуру 1991: 71].

В послании к Буало любопытным является объединение характеристик романтизма («новой школы») и «торгового направления» в общий тематический комплекс (не исключено, что поводом к такому объединению стала литературная деятельность Н. А. Полевого).

Для Пушкина эстетическая концепция борьбы с коммерциализацией творчества связана с конфликтом родовой и новой аристократии. Как известно, по выходе в свет «Литературной газеты» на пушкинский круг литераторов обрушились обвинения в «литературном аристократизме». П. А. Вяземский в своей статье «О духе партий; о литературной аристократии», защищаясь от нападок противников, говорит о том, что есть

---

⁵ В строчке о парике, «растрепанном новейшей вольной школой», слово «растрепанный», по закону описанной Ю. Н. Тыняновым «тесноты стихового ряда» [Тынянов 1965: 66–67], грамматически связанное с париком, семантически скорее становится характеристикой «новой школы».

два главные духа... К первому разряду принадлежат литераторы с талантом; к другому литераторы бесталанные. Мудрено ли, что люди, возвышенные мыслями и чувствами своими, сближаются единомыслием и сочувствием? Мудрено ли, что Расин, Мольер, Дебрео были друзьями? Прадоны и тогда называли, вероятно, связь их духом партии, заговором аристократическим [Вяземский 1982б: 135].

Фигура Буало-Дебрео для Вяземского и Пушкина символична в борьбе «литературной аристократии» с третьесословной журналистикой. Буало в восприятии Пушкина — законодатель «аристократической словесности» (именно так он определяет в статье «О ничтожестве литературы русской» словесность эпохи классицизма [Пушкин 1937–1959, т. 11: 271]).

Проекция заговора аристократов ума и дарований XVII века на «заговор аристократов» начала 30-х годов, сознание собственных культурных традиций не только по родословной линии, но и по литературной, полемика с романтиками влекли особое отношение к эстетическим традициям XVII–XVIII веков [Песков 1989: 101–102].

Стихотворение Пушкина осталось незаконченным. Задуманная инвектива против современников не была доведена до конца. Любопытно отметить, что и Вольтер в своем послании отказался критиковать современных авторов: он признает, что «нынешние разрушительные времена» («ces temps destructeurs» [Voltaire 1828: 296]) — прекрасный материал для сатиры, и Буало, говорит Вольтер, несомненно, обратился бы к этому жанру. Но он, Вольтер, не намерен «без видимой причины посягать на самолюбие глупца» («affliger sans raison l'amour-propre d'un sot»), его муза зовет к более высоким делам: «Я посвятил свой голос прославлению добродетели» («A chanter la vertu j'ai consacré ma voix») [Voltaire 1828: 297]. Вряд ли Пушкин оставил в покое современных бездарных и алчных литераторов, руководствуясь примером Вольтера. Стихотворение осталось незавершенным в силу каких-то иных обстоятельств, возможно потому, что репутацию поэтов «новой школы» имели и поэты его ближайшего окружения (Жуковский, Вяземский, Баратынский). Тем не менее послание «Французских рифмачей суровый судья...» свидетельствует о вполне определенных взглядах Пушкина на романтизм и классицизм в 1830-х гг.: в нем высказано однозначное предпочтение классицизму. Не случайно оно написано с опорой на авторитет двух классиков — Буало и Вольтера.

Источники

- Вяземский 1982а — Вяземский П. А. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева. В кн.: Вяземский П. А. *Сочинения*. Гиллельсон М. И. (сост., подгот. текста и коммент.). В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1982. С. 48–94.
- Вяземский 1982б — Вяземский П. А. О духе партий; о литературной аристократии. В кн.: Вяземский П. А. *Сочинения*. Гиллельсон М. И. (сост., подгот. текста и коммент.). В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1982. С. 134–142.
- Пушкин 1937–1959 — Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*. В 16 т. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1959.
- Пушкин 1999 — Пушкин А. С. *Полное собрание сочинений*. Вацуро В. Э. (ред.). В 20 т. СПб.: Наука, 1999.
- Пушкин 1989 — Пушкин В. *Стихи, проза, письма*. Михайлова Н. И. (сост., вступ. ст. и примеч.). М.: Советская Россия, 1989.

Сумароков 1748 — Сумароков А. П. *Две эпистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве*. СПб.: Имп. Акад. наук, 1748. С. 21–29.
Voltaire 1828 — Voltaire. *Œuvres complètes*. En 97 t. T. 17. Paris, 1828. P. 294–298.

Литература

- Вацуро 2003 — Вацуро В. Э. Пушкин и литературное движение его времени. *Новое литературное обозрение*. 2003, 1 (59): 307–336.
Вацуро 1991 — Вацуро В. Э. Поэтический манифест Пушкина. В кн.: *Пушкин: исследования и материалы*. Левкович Я. Л. (отв. ред.). Т. 14. Л.: Наука, 1991. С. 65–72.
Вольперт 2010 — Вольперт Л. И. *Пушкинская Франция*. Изд. 2-е, испр. и доп. Тарту: Тартуский ун-т, 2010.
Песков 1989 — Песков А. М. *Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
Томашевский 1926 — Томашевский Б. В. Пушкин и Буало. В кн.: *Пушкин в мировой литературе*: сб. ст. Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 13–63.
Тынянов 1965 — Тынянов Ю. Н. *Проблема стихотворного языка: статьи*. Степанов Н. Л. (вступ. ст.). М.: Советский писатель, 1965.

Статья поступила в редакцию 8 декабря 2023 г.
Статья рекомендована к печати 12 февраля 2024 г.

Nina L. Dmitrieva

The Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4, nab. Makarova, St. Petersburg, 199034, Russia
irliran@mail.ru

Boileau — Voltaire — Pushkin: About the poem “French rhymers’ strict judge...”

For citation: Dmitrieva N. L. Boileau — Voltaire — Pushkin: About the poem “French rhymers’ strict judge...”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (2): 344–350.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.205> (In Russian)

Pushkin’s unfinished poem “French rhymers’ strict judge...” (1833) is an epistle addressed to Nicolas Boileau-Despréaux, the famous theorist of French classicism. In 1820s–1830s, when the Russian literary milieu was fascinated by romanticism, the significance of Boileau’s works was being reassessed and his name began to be perceived as a symbol of the false idea of art. Pushkin, on the contrary, calls him to be his “guide”. The poem is intentionally written in classic Alexandrine verse, in the form of a classicist appeal to a grand master. At the same time, the poet calls for support on another great classic, Voltaire, imitating his satirical “Épître à Boileau”. Like Voltaire, Pushkin praises the addressee and like Voltaire, he does it with irony. Pushkin chooses a typical classical genre, satirical epistle. Voltaire, the brightest figure of the Enlightenment, worshiped the culture of the 17th century. Pushkin, although his works contain many motifs of romanticism, cannot be viewed as an adherent of this movement, as he did not consider it possible to sacrifice logical precision or the sense of proportion for the sake of greater expressiveness. Interestingly, criticism of romanticism, the “new school”, is complemented in the poem by condemnation of “commercial literature”, which was gaining strength in the 1830s. The poet points out at condemnation of consumer attitudes by Voltaire and Boileau. Pushkin’s epistle is a clear expression of his attitude towards the two main literary movements of the 1830s. Referring to two great classics, Boileau and Voltaire, he gives his preference to classicism.

Keywords: Pushkin, Boileau, Voltaire, satire, classicism, satirical epistle.

References

- Вацуро 2003 — Vatsuro V.E. Pushkin and literary movement of his time. *Novoie literaturnoe obozreniie*. 2003, 1 (59): 307–336. (In Russian)
- Вацуро 1991 — Vatsuro V.E. Pushkin's poetic manifesto. In: *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. Levkovich Ia. L. (ed.). Vol. 14. Leningrad: Nauka Publ., 1991. P. 65–72. (In Russian)
- Вольперт 2010 — Volpert L. I. *Pushkin's France*. 2nd ed. Tartu: Tartuskii universitet Publ., 2010.
- Песков 1989 — Peskov A. M. *Boileau in Russian literature of the 18th — first third of the 19th century*. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1989. (In Russian)
- Томашевский 1926 — Tomashevskii B. V. Pushkin and Boileau. In.: *Pushkin v mirovoi literature. Sbornik statei*. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo Publ., 1926. (In Russian)
- Тынянов 1965 — Tynianov Iu. N. *The problem of poetic language. Articles*. Stepanov N. L. (introd.). Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1965. (In Russian)

Received: December 8, 2023

Accepted: February 12, 2024